

Лелюхин Д.Н.

Проблема формирования социально-политической структуры раннего общества и государства по сведениям эпиграфики (Непал периода Личчхави).

Историк, обращаясь к проблеме возникновения и эволюции конкретных государств сталкивается с парадоксальной ситуацией. В настоящее время существует множество концепций толкующих причину складывания государства¹. Последнее рассматривается одними, как результат развития социально экономических, иными, как результат развития социально политических и даже социально-культурных отношений (что, в принципе, на мой взгляд, также выглядит вполне обоснованно), причем каждый из указанных аспектов человеческих отношений, нередко, выдвигается в качестве *основной причины становления государства*² и, соответственно, основной признак таких ранних, складывающихся государств определяется по разному. Вместе с тем, большинство теорий в толковании категории государства (прямо или косвенно) основываются на единообразных иных его критериях, которые скорее упрощаются, чем развиваются, несмотря на огромное количество введенной в оборот информации, обилие новых исследований свидетельствующих о значительно более сложной структуре общественных отношений, в том числе, на раннем этапе развития государственности.

Настоящая работа является продолжением наших исследований истории формирования и эволюции социально-политической структуры общества и государственности в древней и раннесредневековой Индии. Одним из наиболее важных аспектов этой работы, по нашим представлениям, является *постановка проблемы места и роли традиционных социальных коллективов и их организаций в рамках различных государств, анализ эволюции над- и межобщинной администрации, сложного и противоречивого процесса ее обособления от первоначальных коллективов*³. Смысл постановки такой проблемы определялся сходными представлениями авторов о сложности и постепенности формирования и "государства, как исторически устоявшейся системы самоорганизации общества, и государства, как надстроечной (институционализированной) части социально-политической системы",⁴ процесса, осуществлявшегося под непосредственным и опосредственным воздействием предшествующих (или "низших") форм организации общества, которые, включаясь в структуру государства, в свою очередь, сами претерпевали определенные изменения.⁵ Иначе говоря, процесс формирования конкретных государств мы рассматривали, как процесс эволюции социально-политической структуры общества, его интеграции или самоорганизации. При этом важное значение мы придавали тому, что предшествующие государству формы социализации (семья, род, племя, община) не только оказывали огромное влияние на формирование новой системы организации общества (государства), но и продолжали функционировать в качестве важнейшей части такой новой системы, сами претерпевая определенные изменения. Анализ и обсуждение результатов указанного исследования (за что я особенно благодарен коллегам) позволил нам сформулировать более четко некоторые выводы об особенностях сложения государственности в Индии нашедшие отражение в предлагаемом ниже нашем уточнении содержания двух основных "критериев" государственности.

Разделение населения по территориальному а не по родовому принципу, по территориальным делениям - процесс крайне сложный и неоднозначный, завершенность которого можно оценивать по разному. Во всяком случае, основываясь на наших исследованиях, нельзя только *противопоставлять* родовые и территориальные отношения, говорить только о *замене* кровно-родственных отношений территориальными. Наоборот, территориальные отношения формируясь в рамках родового общества нередко, не только не противопоставлялись, а теснейшим образом связывались с представлениями о роде и племени, постепенно оседавших на определенной территории.⁶ Семья, род и, даже

племя (в отдельных обществах), кровно-родственные отношения, претерпев определенные, даже весьма существенные изменения, в той или иной степени *интегрированные* в структуру *государственных* и *иных отношений*, продолжают существовать и в современных обществах, нередко оказывая определенное влияние на отношения любого уровня, в том числе, на политику соответствующих государств⁷. Говоря о новом (а территориальные отношения - это действительно *новое* для определенного уровня общественного развития), на мой взгляд, важно учитывать, что это новое складывается в рамках эволюции и под определяющим влиянием старого, которое, видоизменяясь, сюда включается, интегрируется. Именно таким образом, повидимому, постепенно складывается характерная для большинства древних и средневековых обществ важнейшая форма организации их населения ставшая основой их социально-политической структуры - территориальная или соседская община. Каким образом протекала такая интеграция, как менялись отношения в рамках организаций основанных на кровно-родственных отношениях, как и сколь долго протекал процесс формирования территориальных связей и адаптации в их рамках родственных отношений⁸, каким образом и какие возникали в результате организации - подробные ответы на эти вопросы могут дать будущие специальные исследования.

При таком подходе, наш анализ свидетельств источников послужил основанием для вывода о том, что ряд крупнейших древних и раннесредневековых государств Индии представляли собой *объединения владений зависимых царей и различных слоев знати, территорий общин и общинного типа организаций, в рамках такого царства выполнявших функции территориальных его подразделений* (не являясь по происхождению и по своей сути таковыми). Логика формирования такой социально-политической структуры древнего и раннесредневекового общества определялась, на мой взгляд, одновременно, двумя важнейшими тенденциями - к формированию полицентрической (сохранение множества различных, в том числе иерархизированных центров власти, имеющих определенную автономию и собственную особую юрисдикцию, в том числе в рамках более крупных организаций) и моноцентрической (наличие единого центра власти - *правительства*, единого суверенитета и пр.) его организации, соотношение которых проявлялось в различные периоды истории страны и в рамках различных территорий по разному. Источники, на мой взгляд, несмотря на существование мощной односторонней историографической традиции (исходящей из того, что государство - моноцентрическая организация с одним правителем, правительством, границей, суверенитетом и пр.), позволяют говорить об изначальном преобладании тенденции к полицентрической организации общества.

Анализ источников, на мой взгляд, позволяет констатировать наличие интегративных тенденций как в рамках общинных организаций, проявившихся в создании межобщинных территориальных объединений различного уровня, так и в рамках различных территорий, в результате борьбы за преобладание, складывающихся отношений господства-подчинения. Длительный, неоднозначный и противоречивый процесс интеграции, повидимому, происходил в Индии параллельно с процессом борьбы за монополию на власть в рамках таких организаций и, как следствие, с постепенным, продолжавшимся, скорее всего вплоть до нового времени ослаблением коллективных форм правления (деревенский сход, совет старейшин) на низших уровнях общественной иерархии выразившийся в закреплении наиболее важных общественных должностей за представителями конкретных семей и родов, переходом к единоличной и персонализированной власти. На среднем уровне общественной иерархии, повидимому, эволюция в таком направлении шла активнее и быстрее, что определялось задачами таких общих органов (в Индии они, повидимому, сводились, главным образом, к медиативной функции и защите от агрессии) и, с другой стороны большей их специализацией. Источники позволяют предполагать, что указанные тенденции довольно рано (хотя и

далеко не везде) вели к замене коллективной власти на единоличную, к превращению руководителей таких организаций в правителей различного рода, царьков⁹. При этом, наша констатация такого общего направления эволюции социально-политической структуры в древней и раннесредневековой Индии никоим образом не имеет целью создание представления о единообразии Индийского общества, искусственной его унификации, что довольно часто можно встретить в исследованиях посвященных истории древнеиндийского государства¹⁰. Уже в рамки державы Маурьев, были включены находившиеся очевидно на различном уровне развития территории, как сравнительно более высокоразвитые западные районы, имевшие собственных царей (Таксила, Сураштра), так и районы обитания племен центральной Индии. Ряд надписей более поздних царей фиксируют факты включения в их царства территорий "лесных племен" (форма такой интеграции, конечно, вопрос особый).

Вся Индия состояла из «коллективов разного рода, крупных и малых, тесно связанных между собой, входящих один в другой или взаимно пересекающихся»¹¹. Причем, в качестве таких коллективов можно понимать и буддийскую "сангху", монашеские и храмовые общины и организации, царства - как "раджья" (собственно, царство), так и "мандала" (держава), территории подвластные различным "сановникам", правителям не имевшим царских титулов и пр. Большинство таких коллективов ассоциировали себя с определенными территориями, каждый из которых имел свое особое обладавшее определенной автономией руководство, *правительство*, свою юрисдикцию.

Формирование такой исключительно разнообразной по формам полицентрической социально-политической структуры определялось особым значением родовых и общинных отношений, создающих наибольшие препятствия для присутствующей уже на этом этапе общественного развития тенденции к моноцентризму, монополии на власть. Отношения в рамках различных территорий преимущественно формировались на основе, *по типу* кровно-родственных отношений¹², за счет адаптации последних, проявлявшихся по-разному в различных ситуациях. Поэтому, любая территория (в том числе, царства¹³) может в индийских источниках осмысляться как большая семья, род или племя, жители проживающие на такой территории, подданные правителя - как дети, соплеменники, части таких территорий - как земли отдельных семей, их правители - как "братья и сестры" доминирующего царя. Довольно четко фиксируемые на высшем и среднем уровне общественной иерархии, такие особенности территориальных отношений, в действительности, возможно, даже более ярко выраженные, очевидно имели место и на более низком уровне (деревенская община-объединение общин и пр.). Причем вряд ли стоит сводить их лишь к идеологии, преуменьшать их реальное значение. Об исключительной роли кровно-родственных отношений, родовых норм и институтов в формировании новых территориальных (а, также, кастовых и профессиональных организаций) можно судить, основываясь и на том, что в индийских источниках с последними обычно ассоциировались важные функции семьи и рода - забота о стариках, детях, больных, малоимущих, забота об обучении детей, забота о сохранении и поддержке семьи и семейных норм, забота об организации производства, главными исполнителями медиативных функций считались старейшие, и т.п. *Взаимосвязь и взаимовлияние территориальных и родовых отношений, соответствующих организаций и их учреждений, длительное время оставались важным фактором в истории Индии.* Формирование территориальных отношений безусловно исключительно важный фактор социально-политического развития общества, позволивший выйти за пределы родового строя, благодаря созданию территориальных организаций и их учреждений, которые способствовали развитию новых интегративных общественных тенденций. Но анализ формирования территориальных отношений не может быть полным, на мой взгляд, без учета того, что они были по своей сути, прежде всего, результатом адаптации, освоения кровно-родственных отношений в новых рамках. Видоизменяясь, они продолжали играть

(и играют вплоть до настоящего времени) важнейшую роль в общественных отношениях, по разному проявляясь и определяя поведение и интересы, как конкретных людей, так и целых коллективов любого рода. И, наконец, именно исключительным значением кровно-родственных отношений в древности определяется то, что социально-политическая структура общества в древности и раннем средневековье первоначально имела полицентрический характер. И хотя тенденция к моноцентризму и присутствовала в древности и раннем средневековье в рамках любой организации, постепенно, со складыванием отношений господства-подчинения и неравенства приобретая все большее значение - полицентричность, выражавшаяся не только в существовании множества различных коллективов и организаций, прежде всего общин, признании права их руководства на власть в рамках их юрисдикции, но и в невмешательстве в дела таких коллективов, если они не противоречили интересам объединения, власти более высокого уровня, оставалась важнейшей особенностью социально-политической структуры Индии в древности и средневековье. Поэтому, *территориальная община (учитывая все противоречивые тенденции в ее развитии), общинные учреждения, были важнейшим структурным элементом древнего и раннесредневекового государства в Индии.* Анализ процесса *формирования (или учреждения, что на мой взгляд, выглядит менее точным) публичной власти* в настоящее время приобретает исключительно важное (если не решающее) значение для прояснения проблемы государства¹⁴. В качестве причины этого, прежде всего, следует упомянуть закрепившееся в историографии (отечественной, западной, индийской и пр.) упрощенное понимание *публичной власти*, как администрации, чиновничества (*государственный аппарат*), а также отождествление такой администрации с государством, что является, безусловно, важной методологической ошибкой.¹⁵ Критический анализ интерпретации историками свидетельств источников о "государственном аппарате", администрации царств древности и средневековья, привел нас к выводу, о том, что функции такого аппарата выполняли, в большинстве случаев, не специальные *чиновники, должностные лица*, а, наряду с членами клана царя, его слугами, скорее всего, представители центральной и местных политических элит - правители, знать, руководство общин, организаций общинного типа. Это представляется вполне логичным, учитывая отмеченные выше особенности территориальной структуры большинства государств древней и средневековой Индии (формирование *административно-территориальной структуры* начинается в Индии значительно позже¹⁶). Мало того, это представляется и наиболее оптимальным, учитывая исключительное значение и многообразие общинных, общинного типа и межобщинных организаций, исключительной роли общинной идеологии¹⁷. Объединительные тенденции в рамках древних и раннесредневековых царств Индии проявлялись снизу, когда для выполнения ограниченного количества общественно необходимых задач (обеспечение порядка, согласование интересов различных коллективов, защита от внешней агрессии и т.д.) складывались различные территориальные союзы, позже становившиеся объединениями, каждое из которых обладало собственной администрацией. Одновременно, в результате взаимодействия различных коллективов и их организаций в различных формах, в том числе борьбы за лидерство и преобладание шел процесс складывания сложной иерархии органов власти в различных территориальных и иных организациях одной из важнейших основ которого были формирующиеся отношения господства-подчинения. Объединение социальных организаций, вызванное, например, необходимостью кооперации в освоении природных ресурсов и противостоянием внешним угрозам, уже на довольно раннем этапе развития вполне органично соседствует с неравноправием в рамках таких объединений и насилием. Последнее, обусловленное средой обитания, уровнем доступа к ресурсам и иными, не зависящими от человека факторами, развивалось одновременно и за счет эволюции собственно социальных отношений, когда появлялся грабеж и патриархальное рабство, войны и данничество. При этом, парадигма

объединения, присущая, большинству древних и раннесредневековых индийских государств, была, по-видимому, найдена задолго до их появления. Так, например, еще племя, победив в столкновении соседнее племя, сталкивалось с проблемой присвоения подчиненного коллектива. И хотя вариантов решения этой проблемы имелось, очевидно, несколько¹⁸, одним из возможных и, видимо, оптимальным был путь присвоения такого коллектива целиком, с сохранением у побежденных традиционной организации, руководства и взиманием с помощью последних совокупной дани (это отмечалось еще К.Марксом)¹⁹. Среди достоинств такого пути, не создававшего, в отличие от ряда иных, неразрешимых противоречий между победителями и побежденными, можно назвать значительно меньшие затраты материальных и людских ресурсов, сохранение во многом традиционного уклада жизни и собственных органов власти у побежденных (что в свою очередь определяло слабость и недолговечность таких объединений), возможность регулярного присвоения победителями результатов их труда. Такой «мягкий» способ интеграции, способствовал дальнейшей эволюции взаимоотношений и активно использовался в начальный период становления государств, создавая условия для становления политического общества, превращению традиционных органов власти в политические и администрацию, оказывая существенное влияние на весь ход социальной эволюции. Причем значение такого метода интеграции, на мой взгляд, не исчерпывается тем, что он создавал возможность коллективной эксплуатации.

В особой степени, создание *неравноправных* объединений на основании отношений господства-подчинения между различными коллективами (как территориальными, так и родовыми) способствовало повышению роли публичной власти. При появлении такого рода объединений, изначально очень непрочных, возникали отношения нового типа между коллективами и их руководством (коллектив победителей – руководство коллектива победителей – руководство коллектива побежденных – коллектив побежденных), в которых ключевую позицию занимали лица, осуществляющие публичную власть. Именно с момента создания таких объединений можно говорить о тенденциях обособления публичной власти родового общества и превращения ее в *администрацию*, о *складывании государства*. Создание таких объединений поставило перед коллективами входившими в них ряд новых сложных проблем, постоянную заботу о решении которых (контакты с подчиненными, разрешение спорных вопросов, сохранение неравноправия, получение с подчиненных «дани» и пр.) могли взять на себя только специально делегированные для этой цели члены коллектива, наиболее вероятно - представители руководства объединенных организаций, *важные* люди. Последние, хотя и выполняли общезначимую функцию (для собственного коллектива), в данном случае уже в значительно большей степени дистанцировались от основного населения, получая одновременно иной статус и значительно больше прав, особенно по сбору и распределению получаемого прибавочного продукта. Выполнение функций сбора и перераспределения, как мне представляется, надолго стало одной из основных функций складывающегося государства, представляющего собой на этом этапе, прежде всего иерархизированный комплекс организаций с общим руководством, предназначенный для регулирования социальных отношений в обществе.

Повышение роли органов публичной власти в связи с появлением неравноправных объединений, наряду с противоречивым процессом социальной стратификации при сохранении определяющей роли общинных структур и общинной идеологии, как мне представляется, оказало решающее влияние на развитие государства в Индии.

Рассмотренная нами модель интеграции (сохранение традиционной организации и ее администрации, присвоение коллектива целиком), проявляющаяся нередко в индийских источниках в *идеологизированной* форме «добровольного» подчинения, стала важнейшим алгоритмом для формирования любого царства в древней и раннесредневековой Индии, одной из важнейших норм в традиции. Такая форма интеграции, очевидно, была выгодна

для руководства не только доминирующей, но и подчиненной организации. Последнее сохраняло во многом свое положение, усиливалось, в том числе и за счет доминирующей стороны, в складывающемся его противостоянии коллективным органам власти. Сами управленческие функции представляют собой в определенном смысле проявление универсального свойства человеческих коллективов²⁰. Одной из основных задач управления в рамках *любой* организации, *коллектива*, является сохранение порядка и согласование интересов (т.е. исполнение медиативной функции)²¹. Причем, складывание управления, как особого рода деятельности (в различных его формах) на мой взгляд, произошло довольно рано, еще на ступени родового общества. И уже на самых ранних этапах существования такой деятельности можно говорить о ее институционализации, т.е. о складывании определенных общественных институтов, о появлении общественных должностей (вождь, член совета старейшин рода, член племенного совета и пр.) Основой для согласования интересов в рамках любого коллектива, чаще всего, являлся комплекс традиционного права, хранителями и проводниками которого в рамках многих коллективов были старейшины (главы семейств, родов, старики, уважаемые члены любого коллектива) или выполняющий функции управления появляющийся довольно рано совет старейшин. Столь же рано можно говорить и о появлении особых интересов отвечающих за управление лиц, которые проявлялись в том, что они учитывали в своей деятельности как персональные интересы (самосохранение, воспроизведение и пр.), так и интересы своей семьи, рода, племени - коллективов, членами которого они одновременно себя считали. Соотношение таких интересов, в том числе и с *общими* (всей организации) интересами, очевидно, изменялось с течением времени, отражая изменения общественной структуры, проявляясь в различных формах и по-разному в разных конкретных ситуациях. Но именно это соотношение (а не исключительно персональные и корпоративные интересы управляющих) являлось сущностью особых интересов лиц отвечающих за управление. Естественным выглядит и то, что, хотя и не будучи ярко выраженными на ранних этапах развития общества, эти особые интересы постепенно изменялись. Все большую роль в них играли персональные и групповые интересы лиц осуществляющих функции управления. Однако, такое обособление, во всяком случае, в индийских условиях, никогда не имело характер отрицания. Большинство лиц, обладавших властью и осуществляющих функции управления, не только продолжали ассоциировать себя с определенной семьей, родом, территориальной организацией, но и являлись лидерами (и даже, нередко, руководителями) таких организаций. И вплоть до настоящего времени поведение любого чиновника (как и любого человека) в конкретной ситуации, следует рассматривать не только через призму корпоративных отношений, но и, одновременно, учитывая соотношение их с его персональными интересами, интересами его семьи и рода, территориальной организации (как коллектива) с которой он себя ассоциирует, иных коллективов (например, касты). Проблема складывания и эволюции органов публичной власти, длительный и противоречивый процесс превращения ее в *администрацию*, *государственный аппарат* (за неимением иных более четких терминов, я употребляю традиционные для историографии) должна, на мой взгляд, рассматриваться с учетом отмеченных выше особенностей. Выполнение функций государственного аппарата местными лидерами, руководителями или представителями различных учреждений, в том числе общинных и общинного типа представляется, с моей точки зрения, важной особенностью социально-политической структуры и государств древней и раннесредневековой Индии²². Наряду с членами клана царя, представителями его ближайшего окружения (в том числе, слуг в широком значении этого слова - несущих службу царю), местная элита, местная знать, как и руководство территориальных общин, организаций общинного типа - представители более низких по уровню правительств, центров власти, выполняющих, одновременно ряд общеадминистративных функций (прежде всего, по сбору налогов) длительное время

является важнейшим структурным элементом государства в древней и средневековой Индии, основой государственного аппарата.

В индологии анализу свидетельств о *налогах* и налогообложению посвящено значительное количество работ, в том числе специальных монографий, в которых, нередко, преобладает чисто формальный анализ свидетельств источников, исходящий из представлений об унификации территориальной и административной структуры государства, из унификации форм и ставок налогов. Специалисты с полной серьезностью спорят о них, употребляя соответствующую специальную терминологию характерную для новейшего времени и значительно модернизирующую содержание источников (так появляются подразумевающие весьма определенный контекст земельный налог и кадастр, подушный налог, прямые и косвенные налоги и пр.) При этом, практически не разбирается процесс складывания самого налогообложения - насколько мне известно, осмысление перехода от несистематического сбора дани (присутствующего на догосударственной ступени развития) к организованному налогообложению, отличия последнего - одна из важнейших лакун в теориях становления государства. Обозначенные нами выше две важные особенности древних и раннесредневековых государств Индии позволяют уточнить содержание рассматриваемого критерия. Социально-политическая структура общества Индии того времени безусловно, с моей точки зрения, не позволяет говорить о даже относительной унификации налогообложения. Ряд **прямых** указаний в эпиграфике позволяют утверждать, что функция эта, нередко, осуществлялась местными органами, даже деревенской общиной. При интерпретации перечисляемых в надписях налогов и льгот необходимо, на мой взгляд учитывать то, что даже употребление сходной терминологии, формул не всегда может свидетельствовать о сходстве форм и ставок налогообложения. Иногда такое сходство в употреблении терминологии выглядит и как результат осмысления частных локальных случаев в единой текстовой эпиграфической традиции (основной источник информации о налогах и налогообложении - именно эпиграфика)²³.

* * *

Отмеченные выше особенности формирования и эволюции государственности, сформулированные нами на основе анализа "Артхашастры" Каутильи и свидетельств индийской эпиграфики II - VI вв. н.э. находят подтверждение и развитие в предлагаемом ниже исследовании ранней непальской эпиграфики на санскрите периода Личчавов (IV-VIII вв. н.э.)²⁴. По нашему мнению, свидетельства непальских источников можно сравнивать с аналогичными сведениями индийской эпиграфики, судить, исходя из такого сравнения о путях развития социально-политической структуры и становления государственности в Индии. Основанием для этого нам представляется языковая (санскрит) и культурная общность ранних источников Непала и Индии, их структурная схожесть (в данном случае, мы имеем в виду т. наз. "дарственные" грамоты²⁵), употребление схожих понятий, терминологии. Безусловно, мы вправе искать общее в ранней истории обеих стран, но, конечно, мы не рассматриваем Непал лишь как одну из областей Индии, принимая в расчет только влияние индийской литературной традиции и культуры. В этой горной стране, и, прежде всего, в долине Катманду, издревле существовали свои государственные²⁶, и иные территориальные образования, имевшие, вполне вероятно, свои особые тенденции в развитии. Этому способствовала особая этническая структура региона и, в немалой степени, экономические условия жизни (ведение хозяйства в условиях гор), иные причины. Основное внимание здесь мы посвятим анализу употребления в надписях нескольких важных "административных" терминов широко употреблявшихся в различных источниках на санскрите, как в литературных, так и в эпиграфике - в текстах дарений (как индийских, так и непальских). Это, на мой взгляд позволит уточнить как содержание самих терминов,

так и охарактеризовать место и значение организаций, которые ими обозначались, в структуре общества раннего Непала. Мы имеем в виду, прежде всего, термин "адхикарана", обычно интерпретируемый, как "office, department"²⁷ и некоторые иные, которыми именуется, как деревенские, так и более высокие по статусу организации. Свидетельства эпиграфики мы будем излагать в хронологическом²⁸ порядке. Это даст возможность судить и о некоторых изменениях в положении отдельных организаций. В надписях времени первого царя Личчавов - Манадевы, которые дошли до нас, термин "адхикарана" не встречается вовсе. Это объясняется особенностью структуры самих надписей. За исключением известного стихотворного панегирика из храма Chāngu Nāgāyaṇa, они, преимущественно, очень краткие и содержат, главным образом, информацию о возведении лингамов и изображений божеств. Упоминания дарений редки и кратки. Нет среди надписей времени Манадевы и характерных по структуре и фразеологии, как для последующей непальской эпиграфики, так и для всей Индии текстов "царских дарений".

Первое из таких "царских дарений" относится ко времени последующего государя, Васантадевы и датировано 428 годом. Формулировка "дарения"²⁹ здесь традиционна, суть его заключается, в частности и в запрете доступа на территорию деревни для лиц именуемых *sāṭa* и *bhaṭa* (о содержании этих терминов см. ниже). Упоминается здесь, также, не имеющая конкретного названия организация (20.19-20;=V.22)³⁰, именуемая "состоящая из 18 членов", возможно, деревенская или междеревенская. Другая грамота от 435 года впервые упоминает интересующие нас термины. В рамках формулы оповещения говорится о судьях в четырех "адхикаранах"³¹, далее, в поврежденном тексте читаются названия двух из них - *Liṅgvala* и *Kūtherā* (23.8,9=V.25). Хотя от последующего дарения (25=V.27) Васантадевы до нас дошла только заключительная его часть, здесь, очевидно, также упоминаются две "адхикараны"³². Значительный интерес представляют для нас два последующих дарения Васантадевы от 454 года (29,168=V.31,32). В первом - Васантадева оповещает деревенских домовладельцев и брахманов о совместном дарении Сарваданаданаяки Махапратихары Равигупты и царя Шри Крамалилы, совершенном по просьбе первого. О содержании этого дарения, несмотря на то, что текст поврежден, можно судить с определенной долей уверенности. Оно, скорее всего, сводилось к освобождению жителей деревни от "посещения" ее территории представителями "адхикаран" *Śollā* и *Kūtherā*³³. И, повидимому, в обмен на такую уступку, и, чтобы "не происходило уменьшения (поступлений) в царскую казну"³⁴, указанным "адхикаранам" были предоставлены два участка земли.³⁵ Следующее дарение Васантадевы (168=V.32), начальная часть которого повреждена, имеет аналогичное содержание (отдельные различия в формулировках несущественны). Рассмотренные дарения представляют собой первый, особый, по нашему мнению, тип царских дарений Личчавов, с точки зрения практики взаимоотношений с организациями именуемыми "адхикарана" - запрет доступа на территорию деревни "адхикаран" с дарением последним земли в качестве возмещения "убытков".

Первое дарение царя Ганадевы от 476 года значительно повреждено и лишь исходя из сравнения отдельных фраз мы можем предположительно судить о его сходстве с последующими дарениями упомянутого царя. Шесть его иных грамот (38-43=V.44-49), все датированные 482 годом, читаются вполне уверенно. На основании их анализа, можно судить об ином, новом типе дарений Личчавов, отражающем изменения в практике взаимоотношений с организациями именуемыми "адхикарана". Так, в первой из указанных грамот (38=V.44), царь оповещает всех "больших" людей и брахманов деревни Tegval (38.2-3) о том, что, в дополнение к дарениям "прежних" царей, суть которых сводилась к запрету доступа в деревню для представителей "адхикаран" *Kūther* и *Śully* (38.4-5), по просьбе Сарваданаданаяки Махапратихары Бхаумагупты он дарует жителям милость - запрет доступа на территорию дарения для двух иных "адхикаран" - *Liṅgval* и

Мāрсока. Даже в случае совершения "5 великих проступков" (rañcāraādhā), как говорится в грамоте, (теперь, территория деревни) недоступна для четырех "адхикаран"(38.6-10). Аналогично содержание пяти иных дарений Ганадевы(39=V.45, 40=V.46,41=V.47, 42=V.48, 43=V.49).

В шести дарениях следующего царя, Шивадевы I от 516 и 517 годов (53, 56-59, 64=V.60, 62-64, 69) мы встречаем новый, особый тип дарения. Так, согласно тексту 53 (=V.60), "большие" люди и брахманы деревни (название ее не сохранилось) уведомляются о дарении царя по просьбе Шри Саманты Амшувармана. Последнее сводится к разрешению для представителей "адхикараны" Kūther³⁶ вступать на территорию дарения *только* для сбора определенных податей (tri-kara-mātra-sādhana), и запрету для "адхикаран" Liṅgval и Śullī вступать на территорию дарения даже в случае совершения "5 великих проступков и другого". Дополнительно, в данной грамоте жители освобождаются от сбора (части ?) собранного ими (урожая) чеснока и лука.³⁷ Последующие грамоты имеют лишь несколько отличную формулировку - так, например, в дарении для жителей деревни Kḥṛpuṅ (56=V.62), говорится о запрете для "адхикаран" (формулировка не включает их названия) вступления на территорию деревни даже в случае совершения "5 великих проступков, (для осуществления?) записанных дарений и другого".³⁸ Аналогичны по содержанию грамоты 57-59(V.63,64,69). Рядом несущественных различий в формулировках отличается от упомянутых выше текст грамоты 64 (V=69) - здесь упомянуты "адхикараны" Kūther и Liṅgval, которым запрещалось посещать территорию дарения. Лишь грамота Шивадевы I от 520 года из Дхарампура (62=V.67) содержит иную формулировку дарения - хорошо известный нам по иным североиндийским грамотам запрет для лиц, обозначенных Cāṭa и Bhaṭa посещать территорию дарения, предоставленного "прежними царями" (62.6). Здесь же, царем, в качестве дарения, предоставляется освобождение от конкретных податей. Аналогичный запрет содержится в последней грамоте Шивадевы I (55=V.59), содержащей дарение храму Чангу Нараяна. В дарении из Кхопаси от 520 года (63=V.68) упоминается запрет на посещение деревни для "всех адхикаран" (63.8), а, также, предлагается жителям при всех работах иметь дело с неким Svatalasvāmin.

Первое из дарений одного из самых знаменитых представителей династии Личчхавов, Амшувармана (67=V.81), содержит запрет для посещения территории дарения представителями "адхикараны" ранее в непальских надписях не встречавшейся, и имеющей уже санскритское, а не местное название - rañcīma (т.е. западная). В грамоте Амшувармана от 29 года (Gn.-34), в качестве дарения жителям деревни Bughāyūmī дано "освобождение" от доступа представителей иной "адхикараны", имеющей санскритское название - Bhaṭṭ-ādhikaraṇa (68.6=V.71). В грамоте Амшувармана от 32 года (75=V.78), посвященной дарению жителям деревни Śaṅgā ряда льгот по сборам податей ("вызывающих страдания" - 75.12), содержатся два важных тезиса. Освобождая жителей деревни от сбора масла, царь указывает - "этот сбор- vastu должен быть отдан маслом кого-либо иного".³⁹ А в заключении текста дарения, после обозначения даты и имени "посланца" (дутаки), имеется очевидная приписка: "Здесь - (соответственно) решениям адхикараны".⁴⁰ В дарении от 39 года (80=V.85) впервые, вместо обычной для более ранних дарений формулировки ("оповещает больших людей, брахманов и деревенских домовладельцев-кутумбинов"), царь обращается к "настоящим и будущим, занятым делами Rañcim-ādhikaraṇa". Для времени Амшувармана этот факт необычный и может объясняться содержанием грамоты, предоставляющей освобождение от посещения представителями именно этой, указанной выше "адхикараны"⁴¹ территории панчаята adhaṅśālā, управлявшем деревней, которой было предоставлено дарение - "доходы" от него, как следует из грамоты, должны были служить "для защиты и ремонта возведенных лингамов". Здесь также говорится, что если обязанность эта (по охране, обслуживанию, ремонту поврежденного и пр.) представителями упомянутого панчаята осуществляться не будет или они покинут это "имущество", вопрос должен решаться царями с лицом

"проживающим здесь."⁴² В грамоте Амшувармана, дата которой не сохранилась (79=V.84), вновь, после почти столетнего отсутствия упоминается местное название Liṅgval в формулировке запрета вступления на территорию дарения для представителей этой организации и использования (ими) деревенских лошадей для перевозки тяжестей и быков везущих повозки⁴³.

Грамота Дхрувадевы, дата которого не сохранилась, наряду с фиксацией дарения самого царя, являлась "подтверждением"⁴⁴ дарений его предков зафиксированных в трех грамотах. Она упоминает предоставление *прежними* царями в качестве дарения - запрет вступления на территорию деревни для представителей "адхикаран" Liṅgval, Śollā и других (101.17-18=V.109), это упоминание мы имеем полное право связывать с периодом, когда такие "льготы" были обычными. Содержание грамоты Бхимарджунадевы (109=V.118), где упоминается "имущество Mārcok" (mārcokavastu), возможно, также содержит запрет "адхикаранам" на посещение деревни Bhṛṅgāra (109.11) и касается именно "адхикараны" с таким названием. Аналогичным выглядит упоминание в последующей грамоте "адхикараны" Bhaṭṭa⁴⁵. Дарение Нарендрадевы от 67 года (116=V.124) содержит упоминавшийся уже выше запрет вступления на территорию дарения для лиц именуемых Cāṭa и Bhaṭa, а следующее его дарение от 67 года (117=V.123) заключается в запрете вступления представителям указанных "служб" даже при "неправильном" поведении жителей и "мучении людей" на территорию Yūragāmadraṅga ("свободной от власти служб Bhaṭṭa и Mārcok"⁴⁶).

В дарении Нарендрадевы от 80 года (122=V.129) мы встречаем новую формулировку оповещения - царь информирует о восстановлении дарения уже не "больших" людей, брахманов и домовладельцев-кутумбинов, а "правителей в границах Непала возглавляющих различные службы"⁴⁷ о различных дарениях для Hamsagriha draṅga и деревни . . . paścimaka, свободных от вступления на их территорию лиц именуемых Cāṭa и Bhaṭa. Освобождение от вступления на территорию дарения лиц именуемых этими терминами упоминается, также, в последующих грамотах Личчхавов (126.12, 127.6, 128.6, 132.5, 136.7=V.132-134, 139, 140). Грамота Нарендрадевы от 82 года была посвящена дарению "свободному от доступа всех адхикаран"⁴⁸. И, наконец, в грамоте Шивадевы II, дата которой не сохранилась, дважды упоминается ранее в грамотах не встречавшаяся pūrvādhikaraṇa.

Среди ранних непальских грамот на санскрите особое место занимают ряд текстов, оформленных с использованием традиционных для дарений формулировок и фразеологии, но дарениями по своему содержанию не являющимися. Это две грамоты Амшувармана от 30 и 32 годов (69, 74=V.72,77), представляющие собой "правила" (maryādā) о сборах или плате при совершении дарений - огромные списки лиц, храмов, вихар и др., с указанием сумм, кому и сколько должно перечисляться при совершении дарения. Трудно представить, чтобы все указанные выплаты производились при каждом царском или, тем более, частном дарении - скорее здесь мы имеем попытку упорядочить, кодифицировать традиционные нормы (факт сам по себе очень необычный). Сходным, возможно, является место и значение грамоты Бхимарджунадевы (107=V.116) от 57 года, где, повидимому предпринята попытка систематизировать⁴⁹ (естественно, это надо понимать очень условно) обязанности и права известной по иным грамотам "службы" Mārcok (mārcokādhikāra), функции которой осуществлялись, видимо, имевшей аналогичное название "адхикараной". Содержание сохранившейся части грамоты дает возможность судить о том, что в ведении упомянутой службы были дела связанные с семейным правом.⁵⁰ Еще более интересна одна из поздних грамот Личчхавов, дата которой не сохранилась (143=V.149). Хотя здесь и фиксируется дарение (или несколько дарений), значительная часть ее посвящена перечислению "обязанностей и прав" служащего-"привратника" (dauvārika). Здесь упоминаются несколько "адхикаран" (Śīpūrvva-, Śīpaścim-, Dakṣiṇagata-, Bhaṭṭa-), судя по содержанию - при определении запрета для вступления на территорию,

находящуюся под контролем "привратника"⁵¹, среди обязанностей которого упоминается наблюдение за тем, как следуют правилам (или законам, царским указам) "панчалики", т.е. местное население и деревенская власть.

Изложенная нами информация позволяет сделать ряд заключений относящихся к содержанию термина "адхикарана", характеризовать место организаций именуемых указанным термином в структуре раннесредневекового общества Непала, их взаимоотношения с царями Личчхавов. Как и в случае с надписями времени Гуптов⁵² - термин "адхикарана" в непальских надписях не может интерпретироваться как "office", государственное учреждение. Представляется очевидным, что так именовались местные междеревенские (или межобщинные) коллективные организации (по аналогии с более поздними надписями из Тамилнаду и Карнатаки, фиксирующими сходную картину, мне представляется возможным именовать их "комитетами").⁵³ В абсолютном большинстве случаев "адхикараны" присутствуют при формулировке запрета для них "вступления" на территорию дарений. О значении и смысле таких "посещений" нетрудно догадаться - организации эти имели, наряду со специфическими функциями, присущими для каждой по отдельности (информации об этом в надписях Личчхавов крайне мало⁵⁴), одновременно, общие для всех - фискальные и судебные функции (об этом свидетельствуют ряд процитированных выше формул⁵⁵). Именно они являлись, скорее всего, основными сборщиками податей с населения, часть этих податей передавая в казну (см., содержание упомянутых выше грамот 29 и 168). Их названия (часто в грамотах такие организации присутствуют как "пары" - Kūther и Śully, Liṅgval и Mārcoka), очевидно, местные, также подтверждают, что они не имели никакого отношения к "администрации" Личчхавов, использовавших в грамотах санскрит. Скорее всего, для межобщинных организаций в долине Катманду изначально было характерно наличие только четырех таких организаций (поэтому, например, в 23.5 говорится о "четырех адхикаранах"). Лишь во время правления Амшувармана впервые упоминаются две новые "адхикараны", имеющие уже санскритские названия: paścima (т.е. западная) и bhaṭṭ-ādihikaraṇa ("господина", т.е. царская?). Еще позже (время Шивадевы II и позже) появляется третья, pūrvādihikaraṇa (т.е. восточная). Поскольку "новые адхикараны" упоминаются с обозначены выше иными местными организациями в одних контекстах (есть даже новая "пара" - Bhaṭṭa и Mārcoka, см., 117), и в грамотах они встречаются, главным образом, в формулировках запрета для них вступления на территорию дарения, возможно по форме и статусу они были сходны с упомянутыми выше "адхикаранами"⁵⁶.

В формулировке запретов "вступления" на территорию дарения, наряду с "адхикаранами" присутствуют, также, (по большей части, в грамотах поздних Личчхавов - Нарендрадевы и Шивадевы II) упоминания лиц называемых Cāṭa и Bhaṭa⁵⁷, прекрасно известных по индийским ранним грамотам. Как представляется, содержание указанных терминов, можно понимать аналогично североиндийским грамотам - так именовались местные лидеры, знать, не имевшие царского статуса, но обладавшие достаточными ресурсами для выполнения фискальных и судебных функций. Частота употребления этих терминов, ко времени последних царей Личчхавов свидетельствует об определенных изменениях в структуре местной власти, постепенном вытеснении коллективных организаций ("адхикараны") знатью, местной "аристократией".

Основываясь на содержаниях надписей, можно, на мой взгляд довольно уверенно судить о структуре их государства. В рамки царства Личчхавов были включены территории подвластные различным иным правителям - это позволяют предполагать многочисленные дарения "по просьбе", где царь из Манагрихи только санкционировал дарения, подлинными инициаторами которых были не только другие "цари" (например, Махараджа Махасаманта Шри-Крамалила в дарении Васантадевы от 454 года, Махараджа Виправарман в дарении от 31 года), наследные царевичи (например, "ювараджа" Удаядева в дарении от 36 года), но и лица носившие известные по иным санскритским надписям

пышные титулы знати ("махапратихара", "данданаяка"). Не лишне будет заметить, что целый ряд дарений Шивадевы I (516-535 годы первой эры) оформлен "по просьбе" Амшувармана, ставшего затем единоличным правителем и выпускавшего собственные дарения, продолжая именовать себя лишь титулом "махасаманта", так и не приняв титула царя.

Структура царства Личчхавов строилась, одновременно, за счет интеграции деревенских и междеревенских организаций. При этом, скорее всего, именно "адхикараны", "междеревенские (в данном случае) комитеты" являлись главными исполнителями основных для того времени медиативных функций, выполняя судебные функции и собирая с деревенских жителей подати (или "сборы" на общие нужды), часть которых, возможно, передавали местным правителям или царю Личчхавов. Надписи позволяют фиксировать даже детали эволюции такой структуры, развитие взаимоотношений царей с местными междеревенскими организациями.

В начале правления Личчхавов, на подвластной им территории существовало лишь четыре "адхикараны". Указанные организации не только выполняли на большей части территории подвластной Личчхавам функции сбора податей, но и пользовались признанным авторитетом у жителей⁵⁸ и, соответственно, должны были восприниматься царем, как основные объекты подлежащие ослаблению, подчинению и интеграции в рамки царства.

И мы можем фиксировать эволюцию взаимоотношений царей с указанными организациями по текстам дарений, которые, одновременно со своей прямо декларируемой задачей, выполняли функции ослабления "адхикаран" (упоминаемых исключительно как организации, которым запрещалось вступать на территорию дарения). Первый этап взаимоотношений "адхикаран" и царской власти можно характеризовать, как период взаимных уступок. Суть дарений деревенским жителям в грамотах Васантадевы - запрет доступа на их земли для четырех "адхикаран", естественно, ведущий к потере последними их доли податей, штрафов при исполнении судебных функций. Они компенсируются здесь предоставлением для "адхикаран" участков земли, скорее всего, находящихся за пределами земель деревни. И это последнее было совершено, как говорится в грамоте, чтобы "не происходило уменьшения (поступлений) в царскую казну со стороны жителей" (т.е. "адхикараны" оставались основными "сборщиками" податей). Как свидетельствуют надписи Ганадевы, практика дарений ограничивающих доступ "адхикаран" на территорию деревень была распространена среди его предшественников. Все его дарения, аппелируют к дарениям "прежних царей", согласно которым был запрещен доступ на территорию подаренных деревень для двух "адхикаран" - Kūther и Śully (именно они упомянуты в грамотах Васантадевы, о которых шла речь выше). Здесь же фиксируется новый тип политики царя по отношению к "адхикаранам" - запрет доступа на территорию дарения теперь распространяется на две иных "адхикараны", Liṅgval и Mārsoka. Даже в случае совершения "5 великих проступков", как говорится в грамотах, территория деревни недоступна для четырех "адхикаран".

Грамоты Шивадевы I фиксируют новый этап взаимоотношений царской власти и местных коллективных организаций. Для этого периода характерно некоторое ослабление позиций царя. После его правления начинается период двоецарствия и господства Кайласакуты, именно этот царь был сменен Махасамантой Амшуварманом. Теперь в грамотах, наряду с запрещением для "адхикаран" вступать на территорию дарения, даже в случае совершения "5 великих проступков и другого"⁵⁹, говорится о разрешении для отдельных "адхикаран" вступать на территорию дарения ради сбора определенных податей⁶⁰. В дарении из Кхопаси от 520 года "освобождение от адхикаран" дополняется любопытной рекомендацией для жителей - во всех делах "настоящих и будущих" иметь дело с неким Сватала-свамином ("господином"), который в общем контексте грамоты выступает как лицо взявшее на себя исполнении всех функций, связываемых с "адхикаранами".

Указанный факт, на мой взгляд, можно интерпретировать, как важную деталь политики

царя по отношению к местной власти, когда влияние коллективной междеревенской организации не только ослаблялось, но и заменялось на единоличную власть одного из представителей местной, деревенской верхушки, становившегося, одновременно, представителем царя. Хотя такая интерпретация предположительна, подобного рода действия выглядят находящимися в общем русле политики царя по отношению к "адхикаранам". Информация, которую можно интерпретировать аналогично встречается и в иных грамотах - см., например, 80.17-18.

Грамоты времени Амшувармана дают ряд новых свидетельств о взаимоотношении царской власти и "адхикаран". Здесь прежде всего следует упомянуть приписку к грамоте от 32 года (75=V.78). Дополнение царского указания о том, что подать должна выплачиваться "кем-либо иным" - "(соответственно) решению адхикараны" свидетельствует о том, что царь, предоставляя дарение совсем не предполагал снижение общих поступлений от данной территории. Это дарение является, в сущности, перераспределением податей с жителей одной деревни на жителей других. И принятие решения о том, кому платить - перекладывалось царем на организацию именуемую "адхикарана". Это свидетельство позволяет фиксировать уже вполне отчетливо сформированную "исполнительскую вертикаль", важнейшей составной частью которой является коллективная, по сути и происхождению "негосударственная" организация. Ко времени Амшувармана относятся и важные изменения в структурной части текста дарений (факт, даже для ранних дарственных грамот, с уже сложившейся, унифицированной структурой - необычный). Вместо обычной для более ранних дарений формулировки ("оповещает больших людей, брахманов и деревенских домовладельцев-кутумбинов"), теперь оповещение адресуется "настоящим и будущим, занятым делами Raścimādhikaraṇa". У его наследников можно чаще встретить оповещение, адресованное "правителям в границах Непала возглавлявшим различные службы", "главам всех адхикаран действующих в пределах Непала", "всем царским людям, руководящим, соответственно, собственными адхикаранами во владении (бхукти) Непал" и т.д. И, хотя в надписях продолжают изредка упоминаться, как старые, так и вновь образованные "адхикараны", для этих грамот более характерным представляется упоминание запрета "вступления" на территорию дарения лиц, именуемых терминами Cāṭa и Bhaṭa, в более ранних надписях встречавшихся гораздо реже⁶¹. Так именовались, как в непальских, так и индийских надписях того времени, скорее всего, местные лидеры, зная, не имевшие царского статуса, но обладавшие достаточными ресурсами для выполнения фискальных и судебных функций. Этот факт, как представляется, вписывается в общее русло эволюции взаимоотношений царя и местной власти и может объясняться как усилением единовластия, так и переходом власти на местах в междеревенских органах к знати, постепенным разложением и устранением таких коллективных организаций. Этому, вполне возможно, способствовала и политика царя по отношению к "адхикаранам". Как вписывающийся в общую картину очерка взаимоотношений царской власти и "адхикаран", следует отметить и рассмотренный выше факт существования надписи, где, вполне возможно была предпринята попытка упорядочить (или кодифицировать) права и обязанности одной из таких организации (Mārcok).

Приведенный нами анализ свидетельств ранних непальских надписей на санскрите свидетельствует о том, что период этот был важным этапом в "государственном" строительстве Непала. Сходные по характеру процессы мы отмечали, основываясь на материалах анализа "Артхашастры" Каутильи и надписей I пол. I тысячелетия н.э.⁶²

Переселившись в долину Катманду не ранее IV в.н.э., Личчхавы, знаменитый индийский клан воинов, застал в этом районе ряд местных междеревенских организаций, ставших основой их государства. Именно они, как представляется, исполняли изначально основные административные функции, были посредниками между царской властью и населением деревень (передача части продуктов и традиционных податей собранных с деревенских

жителей, на "общие" нужды царю - для "охраны" и пр. соответствовала индийской и, как можно предполагать, непальской традиции). Дальнейшее развитие "государственной" структуры царства Непал шло по пути ослабления влияния упомянутых организаций в деревнях, их разложения за счет ограничения их присутствия в деревнях, перехода власти в рамках таких организаций к знати и частичной их замены, повидимому, представителями местной элиты или "царскими слугами" в деревнях. Такого рода политика имеет ряд аналогий в индийских источниках, аргументируется в политической литературе (нелояльного "главу" заменить легче чем аннексировать новую территорию) и соответствует общему характеру эволюции социально-политической структуры общества времени Гуптов. И, что крайне интересно, определенную важную "политическую" роль в этом процессе играли "царские" дарения, которые, наряду с основными декларируемыми своими задачами выполняли функцию "освобождения" деревень от "вступления" на их территорию представителей упомянутых междеревенских организаций, что безусловно вело к ослаблению последних, их влияния среди населения.

---

1 При этом, на мой взгляд, в работах посвященных происхождению и ранним этапам развития государства можно видеть преобладание идей Гоббса, и прежде всего, сторонников его теории суверенитета. Согласно этой теории, государство господствует над обществом (члены которого - лишь объекты управления), власть должна быть неделима и представлена единым сувереном, т.е., должна быть унитарна, едина, хотя формы этого суверена и могут быть различны - лицо его может выражаться одним человеком (монархия), собранием всех (демократия) или части (аристократия) (См., подробнее, Т. Гоббс, Собр.соч., т.2, с.132-133, 134-135, 142, 144 и пр.) Значительно реже авторы уделяют внимание идеям Дж. Локка о разделении властей и Ш.Монтескье о конфедерации. [Назад](#)

2 При этом, многие согласны в том, что социально-экономические, социально-политические, социально-культурные и пр. отношения, особенно в ранних обществах существуют в неразделенной форме. [Назад](#)

3 Рассматривая, по существу, противопоставление "государственного" и "негосударственного", мы используем понятие "традиционный" для обозначения "негосударственного", например, предшествующих государству форм социализации, отношений, предшествующих "государственным" (понимая, что такие формы социализации имели свои тенденции в развитии, эволюционировали). Содержание первой части настоящей статьи представляет собой попытку осмысления результатов исследовательского проекта опубликованных в сборнике "Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности", М., 1998, идей, положенных в основу как моей работы, так и работ прямо Индии не касающихся. Оно продолжается в рамках исследования ранних санскритских надписей из Непала во второй части. [Назад](#)

4 Любимов Ю.В. Проблемы политической интеграции (Русская колонизация. XVII-XVIII вв.), в: Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности. М., 1998, с. 144. [Назад](#)

5 См., подробнее, Любимов Ю.В., там же, с.146-147. [Назад](#)

6 Это легко продемонстрировать на семантике одного из известных индийских терминов - джанапада (земля, страна, государство), подразумевающего место расселения племени или народа (джана). Соответственно, он мог обозначать и территорию, и население проживающее на этой территории. [Назад](#)

7 Например, семейные и клановые отношения в администрациях любого уровня, политические кризисы в отдельных странах, основанные на родовых и межплеменных противоречиях [Назад](#)

8 Здесь мне кажется уместным такое использование представлений Ю.В. Любимова о

логике эволюции и взаимодействия культур (Государство в истории общества, с. 148). По своей сути, на мой взгляд, это верная оценка эволюции как таковой. [Назад](#)

9 Мы намерено оставляли в стороне вопрос о специфике эволюции городских организаций, по причине недостаточной разработанности самой проблемы. [Назад](#)

10 Суть такой унификации - естественное желание систематизировать свидетельства источников и их терминологию, в том числе на основе современных представлений о государстве - выражается в безуспешных попытках найти "дистрикты" и "провинции" (каковых в древней и раннесредневековой Индии просто не существовало), "чиновников" и "министров" в древних государствах и пр. [Назад](#)

11 Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Архашастра. Проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 145. [Назад](#)

12 Поэтому в политических трактатах присутствует понятие "мула" исконная территория клана царя, такие территории зафиксированы, например, для Чолов, Паллаво, Гангов и некоторых иных династий - здесь они правили даже в те периоды, когда доминирующее положение в регионе занимали представители иных династий. [Назад](#)

13 Возможно, поэтому, индийские царства в эпиграфике в абсолютном большинстве случаев именуются как владения соответствующих динстий, родов - Сатаваханы, Паллавы, Гупты, подчас просто не имея иного названия. [Назад](#)

14 Изменилась сама логика понимания формирования государства. Если у Ф.Энгельса складывание территориальных отношений ведет к учреждению публичной власти (иной, не родовой, признанной публикой, народом и потому власти), то в настоящее время, значение складывания территориальных отношений сводится нередко лишь к разделению подданных по территориальным подразделениям (т.е. к складыванию основ для реализации функций среднего звена государственного аппарата). [Назад](#)

15 Ю.В. Любимов, указ.соч., с. 144. Здесь исключительно важно, на мой взгляд, преодолеть, также, абсолютизацию методологии разделения и противопоставления (которая является лишь одним из средств научного исследования) в ущерб пониманию того, что предмет анализа (общество и форма его организации - государство) в каждый из моментов своего существования, одновременно остается единой системой. [Назад](#)

16 Эта проблема представляется мне исключительно важной и, безусловно, требует особого специального исследования. Административно-территориальное деление любых государств в настоящее время вряд ли разумно рассматривать исключительно как навязанное сверху разделение территории, без учета границ, особенностей, интересов и пр. существовавших на таких территориях организаций и коллективов. История дает нам крайне ограниченное количество примеров, когда формирование новых территорий и их границ отрицает предшествующее разделение населения (как, например, введение департаментов во Франции) и каждый из таких случаев в общем контексте исторического развития, при более подробном рассмотрении не выглядит столь однозначным. Чаше, как мне представляется, формирование территориальной структуры государства подразумевает потенциально менее конфликтный путь - объединение существующих территориальных организаций в рамках новых, более крупных, в качестве суб-подразделений. Границы такой новой территории формируются с учетом границ входящих в ее рамки более мелких территориальных организаций, а интересы нового коллектива, очень постепенно, складываются за счет согласования (и, в том числе, под воздействием нового общего руководства) интересов более мелких коллективов, существовавших ранее и включенных в него в качестве суб-коллективов. [Назад](#)

17 См., подробнее: А.М. Самозванцев, Социально-правовая организация индийского общества в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э.: в Государство в истории общества (К проблеме критериев государственности). М., 1998, с. 250-281. [Назад](#)

18 Известно достаточно много исторических примеров иных вариантов решения этой проблемы, например убийство взрослых членов племени и включение детей и женщин в

состав племени-победителя и т.п. [Назад](#)

19 Надо признать, что такой вариант мог быть приемлемым для относительно высокой ступени общественного развития, а также то, что он, безусловно, был найден в процессе социальной эволюции. Подробное рассмотрение данного вопроса выходит за пределы нашей работы. [Назад](#)

20 Любимов Ю.В. Указ.соч., с. 146. [Назад](#)

21 Причем, говоря о появлении противоречий, мы не сводим их исключительно к формам экономических (неравномерность в доступе и использовании средств производства) или социально-политических (неравномерность в доступе к власти) противоречий. [Назад](#)

22 Не учитывая это, исследователь, попадает в "ловушку теории суверенитета" (как ее называет, например, В.Остром - см. В. Остром. "Смысл американского федерализма". М., 1993, с. 23 и пр.) которая исходит исключительно из моноцентрического представления о власти и управлении. В качестве примера можно привести утверждение Клаасена и Скальника о крайней редкости примеров, "когда местные старшины, вожди или иные сановники догосударственного типа общества принимали на себя supra-local административные функции созданные правящей иерархией" (речь идет о сборе налогов). Оно тут же, как бы опровергается: "Фактически невозможно создать эффективную центральную администрацию без 'новой' группы людей свободных от обязанностей в отношении собственной деревенской общины и полностью лояльных центральной власти". Но затем следует фактическое опровержение последнего тезиса, когда говорится о том, что в аппарате раннего государства были задействованы, главным образом, члены правящей страты, т. е., по существу, именно местные лидеры, представители класса rulers (H. Claesen, P. Skalnik The Early State. Hague. 1978, p.599). [Назад](#)

23 Единая текстовая (и эпиграфическая, как часть общей) традиция, как мне представляется, играла огромную роль в общественной жизни в древности и средневековье, являясь важнейшей объединяющей основой для индийской цивилизации, наряду с литературной и эпической традицией была источником морали, права и пр. Такого рода тексты не только отражали тенденцию к интеграции, но и были ее средством. Мы отмечали не раз это при анализе терминологии эпиграфики, когда одним термином могли обозначаться представители целого слоя общественной иерархии. (см., например, употребление термина саманта, употребление терминов сосед, махаматра в эдиктах Ашоки, кумараматья в надписях времени Гуптов и пр., ср. сходные по абстрактности русские термины - сановник, большие, важные люди. Как представляется и в сфере налогообложения мы имеем целый ряд таких обобщенных терминов, к которым, на мой взгляд, можно отнести такие распространенные термины, как кара (букв. произведенное), шадбхага, ряд иных. Принципиально важно что эпиграфическая, как и иные формы текстовой традиции, может использовать универсальную терминологию и даже целые блоки терминов - формулы, подразумевая, подчас, весьма различное содержание, явления и людей. [Назад](#)

24 Относительно полно комплекс санскритских надписей из Непала издан трижды, дважды на непали, и один раз на английском - D.R. Regmi, Inscriptions of Ancient Nepal, 3 vols., New-Delhi, 1983-85; D.V. Vajracharya, Lichchhavi Kāl Ka Abhilekha (in Nepali), Kathmandu, 2003 Vir Era; H. R. Joshi, Nepāl Ko Prāchīn Abhilekha, (in Nepali), Kathmandu, 2003 Vir Era . См., также, A. Bhattacharya, Nepalese Inscriptions in pre-Nepal eras: An annotated bibliography, Calcutta, 1994. Имеются, также, более ранние и менее полные публикации: R. Gnoli, Nepalese Inscriptions in Gupta Characters, Roma, 1956; Bhagavanlal Indrajī, Twentythree Inscriptions from Nepal. Bombay, 1885; S. Lévi — "Anciennes Inscriptions do Nepal", J.A, 1907, Vol, IX, pp, 49-114. На основе указанных изданий, нами подготовлен и опубликован на сервере Института востоковедения (www.orient.ru.) банк данных надписей периода Личчхавов, учитывающий все разночтения дешифровщиков. [Назад](#)

25 Все известные нам надписи (за исключением двух) являются, как они сами себя называют "śilāpaṭṭakaśāsanam" (грамматами на камне). Здесь употребляется характерная для многих иных индийских "дарственных" грамот на меди фразеология, сходные термины, формулы и, даже, стихи. И, хотя практика оформления "дарственных" грамот на меди была известна в Непале, традиция высечения текста на камне была для времени

Личчхавов, видимо, основной. [Назад](#)

26 Уже к концу периода правления Личчхавов, цари этой династии довольно четко ассоциируют свои владения именно с территорией Непала. [Назад](#)

27 В интерпретации этого термина, что естественно, авторы изданий и переводов надписей и, соответственно, исследователи, следуют индийской традиции. См. о нашем понимании содержания этого, важного для анализа социально-политической структуры общества, в "Артхашастре" и эпиграфике времени Гуптов - Лелюхин Д.Н. Концепция идеального государства в "Артхашастре" Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства. - в: Государство в истории общества. М., 1998, с.115-121 и др. [Назад](#)

28 Все ранние Непальские надписи на санскрите делятся на две группы, соответственно использованию в них двух различных "эр". К первой относятся надписи датированные 386-535 годами, ко второй - 29-271/2 годами, обе эры именуются в надписях словом samvat, дискуссия об их определении, в настоящее время продолжается. См. об этом подробнее А. Bhattacharya, Указ.соч., р.4-14. Всего в группу надписей времени Личчхавов включаются 199 надписей. [Назад](#)

29 Деревня была "предоставлена", atisṛṣṭa. Употребление этого причастия вместо, казалось бы, необходимого для дарения производного от глагола da (дарить), свидетельствует о том, что здесь идет речь о пользовании (скорее всего, "доходами" деревни). Аналогичную формулировку можно встретить, например, в надписях Вакатаков. Еще более часто встречается термин prasada, имеющий специфический оттенок (его можно переводить, как дарение-подношение, жертва) служащий в непальских надписях основным для обозначения "дарения". Наиболее часто встречаемая формулировка "таково совершенное для вас дарение" (iti prasādo vaḥ kṛto), при том что получатели дарения никак иначе не упоминаются, позволяет судить о том, что в большинстве текстов идет речь о дарении определенных прав жителям деревни или членам местных организаций. [Назад](#)

30 Грамота адресована брахманам, "большим" людям вместе с их [советом ?] состоящим из 18 членов (brāhmaṇa-pradhānāḥ s-āṣṭādaśa prakṛtayas=teṣām). Аналогично значение термина s-āṣṭā-daśa-prakṛtayas и выше, в строке 8, где излагается оповещение царя о дарении. При отсылке к номеру надписи мы используем порядковый номер надписи в нашей базе данных (до 164 номера он совпадает с нумерацией в списке А. Bhattacharya), в скобках, по мере надобности даются отсылки на публикации (используемые сокращения V = Dh.Vajracharya; Gn = Gnoli; Bh. - Bhattacharya). [Назад](#)

31 [catu]rṣv=adhikaraṇeṣu dharmasthā - - - - - 23.5-6(=V.25). Хотя далее надпись повреждена, упоминание судей (dharmasthā) в "адхикаранах" представляется весьма важным для характеристики этих организаций. 4 "адхикараны" - это, очевидно, достаточно часто встречающиеся далее пары Kūtherā-Śollā(Śulli) и Liṅgvala-Maṇchoka, две из которых упомянуты и в этом дарении. [Назад](#)

32 . . . . dhikaraṇena pīḍālpā karaṇīyā kūther . . . .karaṇamātraṁ tadubhayam . . . (25.1-2=V.27) [Назад](#)

33 В тексте - -(kuthaṁ)rādhikaraṇābhilekhyakais-ca pañcāparādha - - - - -(29.4-5), что можно восстанавливать, как запрет посещения территории дарения для писцов - представителей адхикаран Kūtherā (и, видимо, Śulli). Такое заключение можно сделать, как из последующего содержания, так и из сравнения с иными дарениями. В данном тексте далее говорится о том, что царь не простит того, кто, нарушая это указание, посетит

зафиксированное [это дарение] (*imām-ājñām-utkramy-ābhilekhyam praveśayed*, 29.8-9) и не должно, также, произойти "уменьшения" (поступлений) в царскую казну, для чего обоим адхикаранам (здесь уже прямо упоминаются *śollādhikaraṇa* и *kūtherādhikaraṇa*)

предоставлены два участка земли, как бы в обмен, для возмещения потерь - поскольку "посещение", скорее всего, сводилось к сбору податей и наложению штрафов. Запрет для посещения территории дарения представителями различных "адхикаран" - характерная особенность многих последующих дарений Личчавов. [Назад](#)

34 Фразу эту можно интерпретировать как указание на то, что подати в казну платили именно "адхикараны", собирая их с жителей деревни. Как представляется, доход от подаренной земли, должен был компенсировать их потери в следствие запрета на посещение самой деревни (целью которого, скорее всего и был сбор податей). [Назад](#)

35 Именно в обмен, поскольку указание о дарении земли дано лишь в конце надписи, дополняя его (*sve sve grāme dhikaraṇayor=ubhayoḥ kṣettram dattam*, 29.12, дано поле в деревне в собственность для обоих "адхикаран"). Это указание, также, чрезвычайно интересно, хотя возможны различные его толкования. [Назад](#)

36 *Kūtherṛtyadhikṛtānām* - возглавляющих (адхикараны) *Kūther* (53.7) [Назад](#)

37 *laśuna-palāṇḍu-kar-ābhyām ca pratimuktaḥ* (53.9) - в иных грамотах это не повторяется. [Назад](#)

38 *lekhyadānarañcāparādhādyartthan tvapraveśa* (56.10-11). [Назад](#)

39 *etad-vastu tailaṅ-kasyacid deyaṃ*, 75.14. Васту здесь - обозначение подати. [Назад](#)

40 *iha - adhikaraṇavivamjitāni*, 75.18-19 [Назад](#)

41 Аналогичное оповещение, возможно, содержится и в сильно поврежденном тексте грамоты Дхрувадевы, 98.6 (=V.106). [Назад](#)

42 *rājabhir-antarāsanena*, 80.17-18. Т.е. управление подаренным имуществом (определенными сборами) сводится к вертикали - царь - представитель царя в деревне - деревня, минуя "адхикарану". [Назад](#)

43 *liṅgvalṣaṅḍh-āśvika-vāhik-āgantrī-balīvardānām-apraveśena*, 79.7 [Назад](#)

44 *anumatisāsanam* [Назад](#)

45 *bhaṭṭādhikaraṇa* - - - - , 103.13=V.111 [Назад](#)

46 *bhaṭṭa-mārcok-ādhikārayoḥ grā[ba]lyād-avaśyaṃ*, 117. 10. Нет окончательной уверенности, что новая пара "служб" идентична упоминавшимся ранее "адхикаранам" (хотя это и кажется наиболее вероятным). Первая - явно более поздняя, имеет санскритское название, вторая - явно местная, более древняя. Об изменении положения с местом в обществе, количеством и правами "служб" позволяют догадываться отдельные формулировки оповещения в грамотах, упоминаемое в рассматриваемой грамоте освобождение (от представителей?) более нигде не упоминающейся "службы" (*ṛiṭājādhikāra*), текст традиционной формулировки запретительной части в грамоте от 71 года (119=V.126), где говорится: "никем, знающими содержание настоящего дарения, назначенными для исполнения той или иной службы (*anyatāranyatārādhikādhikṛtaiḥ*). . . даже небольшое нарушение дарения не должно быть совершено" (ср. 121.24 - никем из возглавляющих все "адхикараны" или иным . . . , *sarvādhikaraṇādhikṛtair anyair vā*) и пр. [Назад](#)

47 *nepāla-sīmāntaḥ rātiṅ sarvā-dhikār-ādhikṛtān*, 122.5-6. С этого времени появление сходных формулировок оповещения более часто. В грамоте от 121 года (134=V.140) говорится о главах всех адхикаран действующих в пределах Непала (*nepālāntarvarttinaḥ sarvādhikaraṇānām* 134.3), в грамоте Шивадевы II - о всех царских людях, руководящих, соответственно, собственными адхикаранами во владении (бхукти) Непал, *nepālabhūktau yathāsvam-adhikārānadhitiṣṭhataḥ sarvarājapurusaṃs tadṛtibhujāḥ* (136.4), сходным, видимо, является содержание поврежденной грамоты 144(=V.150), дата которой не сохранилась (stk. 3. . *nepālamaṅḍal-āntar-nivāsino yathāsvam=adhikaraṇa* . .). [Назад](#)

48 *sarvādhikaraṇānām apraveśenā* - 121.9 [Назад](#)

49 Грамота даже сама себя именуется *vyavasthā*, "установление" (107.21). [Назад](#)

50 Ср. 107.18-19: При отсутствии [этого совета] также часто:

Молодые девушки лишены скромности, имеющие характер злодея, отошедшие от дхармы и обычаев, лишены удовлетворения, безразличные к главному (в жизни), способные имитировать страсть - человеком питаются//. [Назад](#)

51 Текст данной грамоты, как и содержание обязанностей и прав "привратника" (dauvāṅika), который, видимо, занял место "адхикаран" в управлении определенными деревнями, требуют специального исследования. [Назад](#)

52 См., подробнее, Лелюхин Д.Н. Концепция идеального государства в "Артхашастре" Каутилы и проблема структуры древнеиндийского государства. - в: Государство в истории общества. М., 1998, с.115-121 и др. [Назад](#)

53 Надписи времени Гуптов используют термин "адхикарана" в аналогичном значении - здесь упоминаются целый ряд таких организаций - viṣay-ādḥikaraṇa ("адхикарана" области), adhiṣṭhān-ādḥikaraṇa ("адхикарана" центра области), aṣṭakul-ādḥikaraṇa ("адхикарана" восьми семей). (См., Лелюхин Д.Н., Указ.соч., с121 и др.) [Назад](#)

54 Здесь требуется особое специальное исследование с использованием более широкого круга иных непальских источников. Здесь мы можем лишь предположить, основываясь на семантике терминов, что, например, "адхикарана" Мārсока была связана каким-то образом с рынками, торговлей (Mār - измерение, размеры, система мер в непали, ассамском, гуджарати, бенгали, māraḥa - "служащий мерой" в санскрите, sok - в непали - "courtyard, market-place"), "адхикарана" Śully - могла быть связана с уголовными преступлениями (śul, śuli - в непали, sūl, sūli - в кумаони, sulā, suli - в ассамском, шула в санскрите - палка для наказания преступников, кол, боль, страдание). [Назад](#)

55 В одних случаях отдельным "адхикаранам" разрешалось вступать в деревни ставшие "дарениями" только для сбора определенных податей, в других - запрещалось, даже в случаях, связанных с совершением "пяти проступков" и т.д. См. выше. [Назад](#)

56 Может быть следует, даже, предполагать изменение названия традиционных "адхикаран". Хотя нельзя исключить и возможность формирования новых "междеревенских комитетов" под влиянием царской власти, куда входили (как и, например, в "адхиштханадхикарану" упоминающуюся в Дамодарпурских грамотах времени Гуптов) представители царя, царские "слуги". Санскритское их название, кроме того, можно расценивать и как результат процесса санскритизации долины Катманду.

[Назад](#)

57 См., подробнее об интерпретации указанных терминов Лелюхин Д.Н., Указ.соч., с.130.

[Назад](#)

58 В упомянутой выше грамоте от 435 года говорится о "судьях" (dharmasthā) в таких организациях, которые информировались в грамоте о дарении. [Назад](#)

59 К этой формулировке добавляется в некоторых грамотах термин lekhyadana, "(для осуществления) записанных дарений". [Назад](#)

60 tri-kara-mātra-sādhana, для сбора (податей) объемом в три "кара" [Назад](#)

61 Один раз - в грамоте Васантадевы и дважды - в грамотах Шивадевы I. [Назад](#)

62 См., подробнее: Лелюхин Д.Н., Указ.соч. [Назад](#)